

Валерий Зубарев

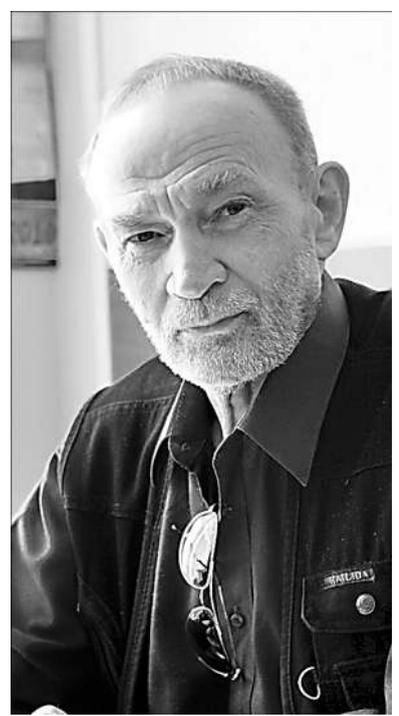
(1943-2012)

Вот что пишет в предисловии к последней книге Валерия Зубарева «Зеркало Бога» редактор сборника Борис Бурмистров:

«Стремление заглянуть в зеркало Бога неодолимо... Ведь оно вызывает желание лучше устроить обитель благодатного духа – человеческую душу. Через взлёты и падения, через напряжение всех органов чувств, в которых мир проявляется красками, звуками, запахами, вкусовыми ощущениями, рождается шестое чувство. И если оно вызывает боль, пусть мужества придаст мысль, что ты жив для творчества и любви».

Валерий Зубарев в совершенстве освоил почти все темы и направления поэтического творчества. Он писал лирику, не чуждался юмора и самоиронии, умело владел верлибром.

Так, легко и грозно, словно океанский броненосец, маневрируя в поэтическом просторе, прожил недлинную, но прекрасную жизнь сибирский поэт, наш земляк Валерий Фёдорович Зубарев.

Уже первые его книги «Говорил со мною ветер» (1970 г.) и «Магнитное поле» (1974 г.) вызвали резонанс не только в областной печати, но и в журнале «Сибирские огни», в «Литературной газете». На VI Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве творчеству сибирского поэта дали высокую оценку известные мастера слова Е. Евтушенко, М. Луконин.

В 1976 году Кайсын Кулиев рекомендовал его в Союз писателей СССР.

Книга поэта Валерия Зубарева «Мыслящий огонь» (1981 г.) была затребована в фонды библиотеки Конгресса США и Гарвардского университета.

В 1988 году Валерий Зубарев, единственный из поэтов Кузбасса, выступил со стихами в Колонном зале Дома Союзов.

При всём разнообразии тематики, В.Ф. Зубарев прежде всего – сибирский поэт. Его творчество щедро питала малая родина, думы о настоящем и будущем, о неизбежной связи с историческими корнями земли Кузнецкой. В поэтических образах его героев узнаются близкие люди, земляки, с их особым неповторимым духовным миром.

30 августа 2018 года Валерию Фёдоровичу Зубареву исполнилось бы 75 лет.

Родился он в селе Кайла Тайгинского района (*теперь - Яйского*) Кемеровской области.

После окончания Прокопьевского горного техникума три года служил в армии, где окончил офицерские курсы. Работал мастером производственного обучения в ГПТУ №47 г. Киселёвска.

Получил филологическое образование в Новокузнецком педагогическом институте.

Был заведующим промышленным отделом Киселёвской городской газеты «В бой за уголь», собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс», ответственным секретарём альманаха «Огни Кузбасса», председателем областной писательской организации (1987 – 2003 г.г.), секретарём Союза писателей России.

В декабре 2013 г. на заседании Киселёвского городского Совета народных депутатов принято решение об установлении мемориальной доски Валерию Фёдоровичу Зубареву на здании Центральной городской библиотеки.

16 октября 2018 года в Центральной городской библиотеке города Киселёвска состоялись Зубаревские чтения – «Поэт родной земли. Судьба и лира Валерия Зубарева». Шесть поэтических сборников, изданных в разные годы, остались в наследство своим землякам, которые в этот осенний погожий день собрались в читальном зале библиотеки, чтобы вспомнить жизненный и творческий путь поэта.

«Стремление заглянуть в зеркало Бога...»

* * *

Бурлящая страна,
не ты мечту похитишь,
что вот... всплывёт со дна
не субкультура – Китеж.

Я выстрадал давно
под песни воровские:
не надо путать дно
и глубину России.

* * *

Он с чёрной пеною у губ
отбросил лом тяжёлый:
«Будь человеком!» –
«Не могу», –
ответил камень жёсткий.

Он продирался сквозь тайгу
с заржавленной винтовкой:
«Будь человеком!» –
«Не могу», –
Ответил зверь жестокий.

И крикнул он: «А я могу
и камнем стать, и зверем!
Я – человек. Я всё могу».
...И камнем стал, и зверем.

Возникла мать в его мозгу.
Взмолилась мать руками:
«Будь человеком»... –
«Не могу»... –

шепнули
Зверь и Камень.

СТАРЦЕВА ГРИВА

Солнце нынче рублём, а не гривной
одаряет собой небосвод.
Но, как память, над Старцевой гривой
дым железный клубится, живёт.
В ней шаманящий шорец над горном...
и державное слово-печать:
«Чтоб калмыкам
ни белым, ни чёрным,
ни мечей, ни кольчуг не ковать».
Отклубились...

Но дым чёрно-белый,
комбината Кузнецкого дым
задышал над былинкой несмелой,
замешал молодое с седым.

Чтобы я,
со своим интересом
в электричках столичных метро
по кузнецким катаючись рельсам,
про себя усмехался хитро.
Чтобы всею закваскою кровной
я почувствовал:
для меня
волей сердца,
не только Верховной,
выплавлялась в мартенах броня.
Чтобы ходкая,
как поговорка,
защитив от Берлина Берлин,
легендарная «тридцатьчетвёрка»
не терялась в просторах былин.
Чтоб, когда оробелый учёный
наконечник копья находил,
мне навеивал дым бело-чёрный
ржанье конское,
звоны удил...

* * *

Обострённое зрение рук
напряжённо во тьму простираешь,
но шагнёшь за магический круг
костерка –
и себя потеряешь.

С леденящей вселенской тоской
Беспредельность увидев воочию,
вместе с лодкой, палаткой, тайгой
постепенно становишься ночью.

То ни зги в ощущениях нет,
то пучину восторга и страха
вырывает пробившийся свет
из закрученного пространства.

Где же время течёт без тревог?
Где, скажите, в природе надмирность?!
...Или хрустнул сухой стебелёк?
Или что-то ещё надломилось?

Или весь из осколков огней, –
жгуч и сладок губительный воздух,
осязаемый срезами дней
и зарубками
на берёзах?

Или битву остывшей звезды
и посмертно схватившийся с бездной
отразил, словно капля воды,
бугорок под звездой железной?

АНТИКРИМИНАЛЬНОЕ

На улицах жизни суровой
Обучен копейки копить...
Тушуеться мальчик бескровный
и хлебушка просит купить.
А вот искривленная бабка
Бескровную тянет ладонь...
И близкая к телу рубашка
не глушит саднящий огонь.

Иду как в невидимых путях,
в душе – столкновение сил...
Что толку жалеть бесприютных,
Которых не приютил.
Но всё же сказать не могу я,
что дело мое – сторона,
что я ни при чём, не в долгу я,
что я – человек,

не страна.

Что многого мне не хватает
для самых-пресамых родных,
что демон наживы витает
над миром стандартов двойных,
где больно, и стыдно, и тошно,
где сам ты убогим под стать,
где всё, что ты можешь –
ничтожно:
какую-то мелочь подать...

Творцы криминальных романов,
для вас и для ваших гурманов
сюжетцем стихи опушу:
на всех в закоулках карманов,
как сыщик,
вещдоки, ищу.

* * *

Вслед за летним душливым днём
унесутся машинные гулы.
И несмело в покое ночном
ветер вытянет трубочкой губы.

Встрепенётся листва за окном.
«Осени меня», – буду молить я.
Пусть откроется тайна: о чём
шелестят тополиные листья?

Но постигнуть мне это, увы,
лишь мешают слова человечьи.
Заглушая наречье листвы,
ответвляется наше наречье.

Так зачем же, рассудок поправ, –
зазвенит ли обитель лесная,

зазудит ли селение трав,
зажурчит ли протока речная, –
слух сулит откровенья душе,
замирающей, словно впервые?..
Но и этим я счастлив уже,
голоса различая родные.

ВИТКИ

Мне снилось:

некогда до нашей эры
я спал мертвецки в глубине пещеры
и всё же чуток был как никогда.
И сон иль явь:

из заросли сверкала,
как отблеск саблезубого оскала,
зловеще отражённая звезда.

Всё холоднее был разгар охоты,
разгар всепоглощающей работы
неукротимых сменщиков моих.
Всё утрашимей для моей скорлупки
трудились когти, зубы и желудки,
круговращая общий маховик.
И всё в природе

с ней стремилось слиться –
не полностью, а внешне...

Выжить, длиться
в привычных формах вечность или миг!
И я.. и мы стремились тоже слиться...
Но так необще проступали лица –
моё и соплеменников моих.

Не смей, круговращенье, прекращаться,
спеши одно в другое превращаться,
ветшай скорее, новое старьё!
Непрекратимое – не прекратится...
Но как отвратно снова превратиться
в сырьё...

Постой! Уже я не сырьё.
Дитя воспроизводств и поглощений,
шестым из чувств за гранью ощущений
я проблеск уловил в своей судьбе:
всему живому я уподоблялся,
как всё в природе,
к ней приспособлялся,
но больше – приспособлялся к себе.

О, завязь речи получеловечьей.
Тщета – звериность чрева приручать.
И адские круги противоречий.
И райские соблазны – одичать.
И это наважденье новой эры,
что сплю мертвецки –
в глубине пещеры!..

* * *

Я – невольник всего.
От всего, где родился
и где продолжаюсь,
естество моё и существо
так зависимы –
поражаюсь.

Сколько раз непогоды мои
резкой солнечностью сменялись,
если клумбы, деревья, ручьи,
если мокрые камни смеялись.

А когда, уходя в забытьё,
тосковали тягуче и смертно, –
сколько раз золотое моё
против воли тускнело и меркло.

Ну а ты, вечеряющий сад,
разве я от тебя не завишу?..
Наши мысли ветвятся, шумят,
наши мысли –
всё глубже и выше.

И такая даруется сила,
что, сложив силовые поля,
вспыхнут ярче ночные светила
и приблизится к небу Земля.

ОДА ЖЕНЩИНЕ

Что там деньги, карьера, квартира,
все сокровища Божьего мира,
эти звёзды, и ливни, и снег... –
за твои поцелуи навек.

Что все царства
и все государства,
все красивые вспышки гусарства,
все безумства... и срывы в судьбе... –
за удачный стишок о тебе.

Как природа – смеёшься,
рыдаешь...
И миры, как природа, рождаешь.
И дороже бессчётных даров
эти тёплые тельца миров.

* * *

Не раз я свыше получал затрещину:
«Не слушай Еву, чадо дорогое...»
Но, как ребенок,
снова верил в женщину,
хотя весь опыт говорил другое.

Ей что Эдем, что это мироздание...
Она мечтает втайне, уж поверьте,
вернуть огрызок нашего познания
за Древо жизни,
за Плоды Бессмертья.

* * *

Привиделось в жутком кошмаре:
меня обнимает змея.
Со стоном в объятиях твари
проснулся...

– подруга моя!
И всё, что казалось ужасным,
мне виделось снова прекрасным,
в тебя колдовски вплетено.
Но созданное отдельно
от сути твоей и от тела
опять ужаснуло б оно.

На памяти лес и лужайка,
где снилась подруга моя,
и как я очнулся... и сжался...
и как закружилась змея.

* * *

Не в духе восточных менял,
услышав души дуновенье,
я ветреных женщин менял
на ветренное вдохновенье.
На гулкий прерывистый стук
в груди...

и мечтаний отвагу!..
На тот возвышающий звук,
летающий с небес на бумагу.

* * *

К прошлому не надо возвращаться,
с прошлым надо вовремя прощаться.
В настоящем – с будущим встречаться
и, как с прошлым,
навсегда прощаться.

Так, гипнотизируя противно,
время движет жизнь неотвратимо.

Но пока сияет память ясно,
оживляя горько и прекрасно
в круге жизни всё, чего коснётся,
круг над головою не сомкнётся.

ff. Зубарев